

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

ПИТЕР ДЖЕЙМС

УМЕРЕТЬ ЗА ИСКУССТВО

Впервые
на русском!

18+

ИЗДАТЕЛЬСТВО «АЗБУКА»

Детектив Рой Грейс

Питер Джеймс

Умереть за искусство

«Азбука»

2022

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Джеймс П.

Умереть за искусство / П. Джеймс — «Азбука»,
2022 — (Детектив Рой Грейс)

ISBN 978-5-389-33501-1

Нет, язык не повернется назвать их барахольщиками! Хотя да, Гарри и Фрейя, симпатичная супружеская пара, ищут свое счастье на барахолках и гаражных распродажах: кто знает, вдруг среди рухляди попадется что-нибудь ценное? И вот однажды Гарри покупает невзрачный портрет и случайно обнаруживает, что под верхним слоем краски скрыта чудесная картина, похожая на давно утраченный шедевр Фрагонара. Если это подлинник, супруги могут сказочно разбогатеть. Само собой, для начала требуется экспертная оценка, и они показывают находку искусствоведу на популярном телешоу. Тут, как говорится, шила в мешке не утаишь. Пока на глазах у Гарри и Фрейи мечта о лучшей жизни превращается в худший из кошмаров, детектив-суперинтендант Рой Грейс собирает команду для расследования нераскрытого дела об убийстве богатого лондонского арт-дилера... Впервые на русском!

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-33501-1

© Джеймс П., 2022
© Азбука, 2022

Содержание

1. 15 октября 2015 года, четверг	7
2. 15 октября, четверг	8
3. 16 октября, пятница	12
4. 21 июля 2019 года, воскресенье	14
5. 16 сентября, понедельник	18
6. 19 сентября, четверг	22
7. 19 сентября, четверг	27
8. 19 сентября, четверг	29
9. 19 сентября, четверг	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Питер Джеймс

Умереть за искусство

Peter James
PICTURE YOU DEAD
Copyright © Peter James, 2022
All rights reserved

Перевод с английского Александра Смольского

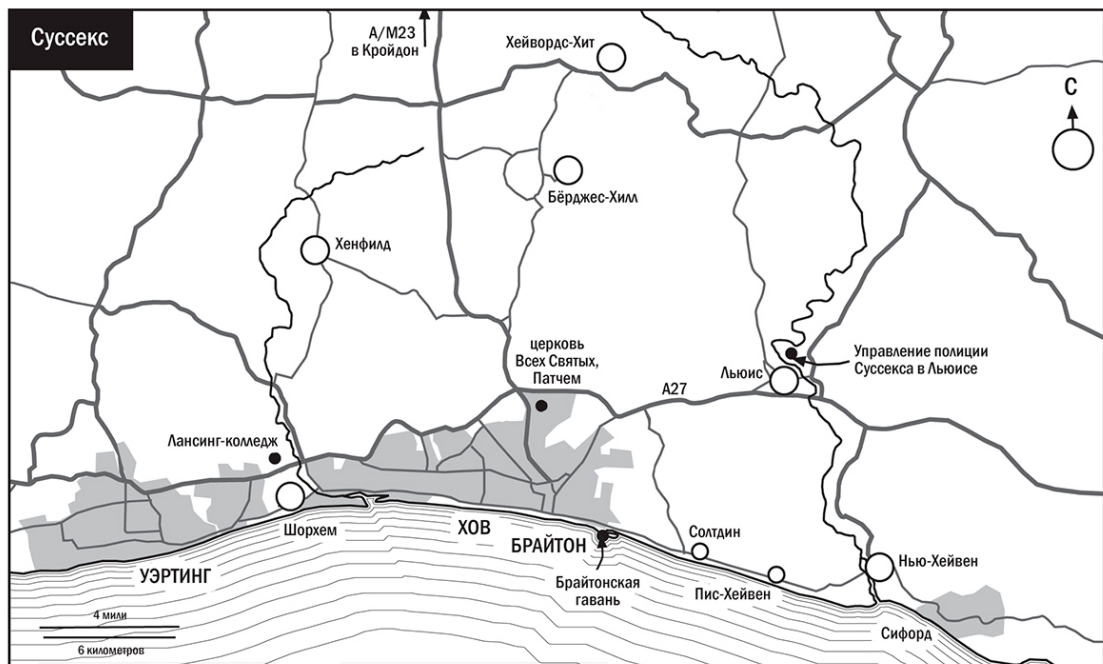
Карты изготовлены Юлией Каташинской

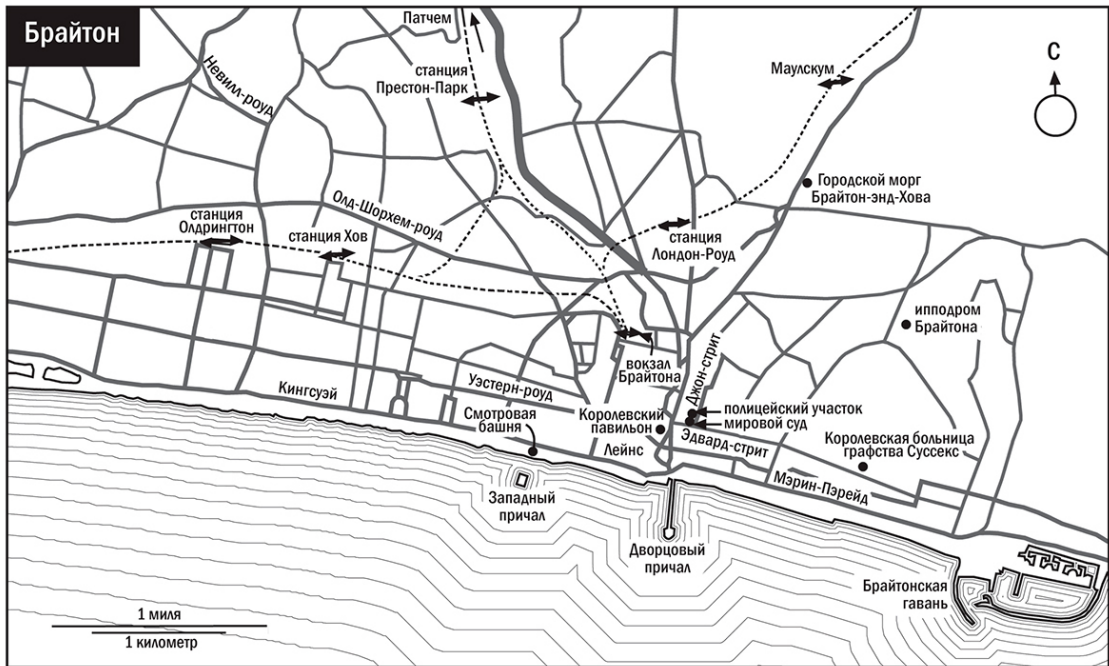
© А. Ю. Смольский, перевод, 2026

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство АЗБУКА», 2026 Издательство Азбука®

* * *

Энтони Форбсу Уотсону, наставнику и другу

1. 15 октября 2015 года, четверг

Чарли Портеус обожал цитировать стихотворение Одена о зайце, который веселится спросонья, потому что не знает, с какими мыслями проснулся охотник. Однако, выходя из дому этим дождливым осенним утром, Чарли и понятия не имел, что сегодня таким зайцем станет он сам. И что вечером он не ляжет в свою постель, да и вообще никогда в нее не вернется.

Всем, кто его знал, да и каждому встречному, решившему взглянуть на него, этот веселый шестидесятидвухлетний мужчина, который всегда останавливался, чтобы бросить банкноту на коврик уличного музыканта, казался самым беззаботным человеком в мире. Энергичная походка, сытое, ухоженное лицо, крепкая фигура, сшитый на Сэвил-роу костюм-тройка в мелкую полоску, рубашка ручной работы, лососево-зеленый полосатый галстук Гаррик-клуба – весь его облик воплощал так называемые старые деньги и всю ту самоуверенность, которая их сопровождала.

Однако сейчас всеми любимый, несмотря на вспыльчивый характер, владелец галереи «Портеус файн артс» отчаянно нуждался в крупной сделке. Предпочтительно с оплатой наличными, и побольше. Частный банк, который когда-то считал его идеальным клиентом и годами лебезил перед ним, теперь угрожал взысканием задолженности по кредиту. Потеря такой суммы разрушила бы всю безупречно отлаженную жизнь Портеуса.

Будучи в столь плачевном положении, галерист тем не менее меньше всего желал, чтобы досадные затруднения стали заметны персоналу или клиентуре в избранном кругу, где он слыл образцом респектабельности и надежности. Надо было скрыть неприятности и от жены Сьюзан, которая недавно вышла на пенсию и теперь наслаждалась ролью крупного городского благотворителя, и от сына Оливера, вот уже десять лет работавшего в отделе изящных искусств аукционного дома «Сотби» в Нью-Йорке. Чарли лелеял надежду, что наследник наберется опыта и возьмет в свои руки бразды правления; сам же он, как в свое время его отец, сможет отойти от дел и достойно встретить старость.

Особенно расстраивался он из-за Оливера, пока что ничего не знавшего об этих проблемах. Ох, как же он подвел сына... И не только его, а всю семью, всех своих сотрудников. Чарли уже несколько месяцев мучился бессонницей и начал пить антидепрессанты.

Но в конце концов удача, похоже, ему улыбнулась. Точнее, уронила кое-что ему на голову. А еще точнее, попала прямо в правый глаз. Все произошло, когда он несколько недель назад наблюдал за черной вороной. Он вспомнил, как однажды в детстве ему нагадила на голову сорока и его суеверная мать сказала, что это принесет удачу. Что ж, мама оказалась права: и месяца не прошло, как он получил двадцать пять фунтов по выигранным облигациям. Это ли не результат?

Он хватался за соломинку, пытаясь угадать: чем обернется счастливая примета теперь? И как ни удивительно, она сбылась.

2. 15 октября, четверг

Чарли Портеус терпеть не мог дураков – очаровательная улыбка на его лице могла мгновенно, как по щелчку переключателя, превратиться в испепеляющий взгляд. Он был давно известен как человек, которому лучше не переходить дорогу, и в то же время отвечавший за свои слова, а его наметанному глазу на живопись давно завидовали многие конкурирующие арт-дилеры. Эта способность верой и правдой служила ему в течение тех восьми лет, что он провел в команде телешоу «Антикварный развал». Впрочем, Чарли давно покинул его и не жалел об этом: Би-би-си тогда платила экспертам сущие гроши – сто фунтов за эпизод плюс стоимость железнодорожного билета второго класса. Однако, пока он работал на этой программе, ему нравились публичность и реноме, которые она обеспечивала, не говоря уже об укреплении репутации его галереи.

В конце концов отношения все же испортились, и продюсер Би-би-си решил, что бесперебойность Портеуса по отношению к тем, кто приносил в студию «мусор», не отвечает духу шоу. К его увольнению в итоге привели два случая.

В один прекрасный день он довел до слез старушку, довольно невежливо сообщив ей, что предполагаемый морской пейзаж Тёрнера, который хранился в ее семье многие годы, является просто раскрашенной гравюрой. И даже ребенок, взявшийся раскрашивать рисунок по номерам, мог бы добиться лучшего результата, язвительно добавил Чарли. Следующим случаем стала ошибка, хотя подобное происходило с ним нечасто. Он объявил подлинным пейзаж шестнадцатого века, якобы кисти Абея Гриммера, и оценил картину не менее чем в двести тысяч фунтов, а она оказалась подделкой. Боясь за свою репутацию, Портеус упорно отказывался признать свой промах.

Щепетильный и любящий красивые вещи и в личной жизни, и на работе, Чарли Портеус был человеком привычки, так что по нему можно было сверять часы, – в его случае это были «Ролекс сабмаринер» за сорок пять тысяч фунтов стерлингов.

Каждый будний день ровно в 6:35 он выезжал из ворот особняка на Тонгдин-авеню в Брайтон-энд-Хове и направлялся на своем «бентли» на парковку у брайтонского вокзала, чтобы сесть на скорый поезд до столичного вокзала Виктория. Оттуда бессменный лондонский водитель Михат эль-Хадиди доставлял его на «мерседесе» С-класса в галерею на Дьюк-стрит, куда он приезжал ровно в 8:20, задолго до прихода пяти сотрудников.

Четыре раза в неделю Портеус отправлялся с вокзала Виктория домой и ровно в 19:15 открывал входную дверь. В четверг же он ужинал в клубе с клиентами или друзьями из мира искусства, а затем возвращался в Брайтон более поздним поездом. Сегодня, однако, он прекрасно провел вечер, общаясь со своей крестницей в итальянском ресторане неподалеку от галереи.

Отец однажды дал ему совет: можно вкладываться лишь в то, что хорошо знаешь, – и теперь Чарли горько сожалел, что не послушался. Чуть более двух лет назад его клиент, богатый австралийский девелопер Керри Дандэс, за последнее десятилетие купивший у него картин на несколько миллионов, сделал ему, как говорилось в «Крестном отце», предложение, от которого нельзя отказаться. Это был редкий шанс стать партнером в приобретении сорокадвухэтажного многоквартирного дома Рейнольдс-Хайтс на севере Лондона. Недвижимость срочно продавалась по сходной цене из-за тяжелого финансового положения владельца. Название места в честь знаменитого художника¹ было хорошей приметой – так думал Портеус.

Инвестировав по десять миллионов фунтов каждый, они с Керри, по скромным оценкам, заработали бы по пять миллионов в течение года. Правда, окончательное решение Портеуса

---

¹ Имеется в виду английский портретист и теоретик искусства Джошуа Рейнольдс (1723–1792).

участвовать в сделке немного омрачал тот факт, что здание рядом с галереей выставлялось на продажу. Если бы он купил его, то удвоил бы размер галереи, оставив в наследство сыну самый большой бизнес по торговле произведениями искусства в стране.

Банк с удовольствием предоставил Портеусу ссуду на два года под залог его надежных как скала активов. И вот три месяца спустя, когда они уже полным ходом готовились к сделке, обещавшей быть прибыльной в полном соответствии с предсказаниями Керри Дандэса, тот внезапно пропал и перестал выходить на связь.

Следующей новостью, которую Чарли получил уже с помощью своих адвокатов, было то, что Дандэс сидит в тюрьме в Дубае, арестованный за мошенничество, хищение и подлог.

Портеусу пришлось признать, что его надули, и он потерял все свои инвестиции до последнего пенни. В банке поначалу выразили сочувствие попавшему в беду клиенту, но впоследствии, как он с сожалением признавался одному из знакомых, стали действовать как в старой поговорке. А та гласит, что банкиры одалживают вам зонтик в солнечную погоду и требуют вернуть его, когда начинается дождь.

Тем не менее сегодня после полуночи, когда Портеус сошел с поезда в Брайтоне, его походка в первый раз за многие бессонные месяцы снова обрела оптимистичную пружинистость – и на то была веская причина.

Недавно Чарли совершил одну из приятнейших покупок в своей жизни – он был абсолютно убежден в этом. Наверное, самую замечательную и значительную среди всех прочих покупок, тут даже и сравнивать нечего. Именно она могла вытащить его из того дерьма, в которое он вляпался.

Галерея, основанная в послевоенные годы его покойным отцом, завоевала солидную репутацию, специализируясь на старых французских мастерах, таких как Никола Пуссен, Жан-Оноре Фрагонар, Клод Лоррен и Элизабет Виже-Лебрён. Его старикан, когда-то учившийся в Варшавской академии изящных искусств, в 1938 году прибыл из Польши в Англию без гроша в кармане как польский еврей-беженец. Но он был прирожденным продавцом, имевшим хорошее чутье на живопись и превосходное – на выгодные сделки.

Он решил, что вымышленное имя Льюис Портеус будет лучше звучать в чопорном британском мире искусства и в антисемитской послевоенной атмосфере, чем то, под которым он прибыл в Англию, – Якуб Левандовски.

Чарли унаследовал от отца любовь к пейзажам, портретам и мифологическим сценам старых французских мастеров и так же, как старик Портеус, обладал талантом находить выгодные предложения. Инстинкт, присущий любому высококлассному арт-дилеру, помогал ему практически мгновенно определять, подлинная работа или нет. Ошибки случались очень редко. А благодаря созданной им сети хорошо оплачиваемых агентов, своим знаниям и глубоким карманам он был опасным охотником на аукционах, особенно на тех, где продавали вещи из провинциальных домов.

Во времена его отца было проще торговать предметами искусства – все было гораздо менее регламентировано. Тогда, в 1950-х, 1960-х и 1970-х, если вам нравилась картина, вы ее покупали, расплачиваясь чеком или наличными. Вот так просто. Теперь же дела велись иначе. Сегодня имело значение не только происхождение самой картины – важна была и репутация продавца.

В этом изменившемся мире Портеус и его сотрудники неизбежно увязали во всех видах правового аудита, включая проверки продавца на предмет отмывания денег. Ни одна картина не могла быть вывешена на любом из трех этажей галереи в Мейфэре, пока каждый аспект ее истории и каждый этап пути в галерею не становился пуленепробиваемым.

По крайней мере, теоретически.

Как и отец, Чарли порой был готов нарушить правила. Пока картина, которую ему предлагали, не оказывалась в «Реестре утерянных произведений искусства», где перечислялись все

известные похищенные работы, он время от времени делал ставку на работу, которая, на его опытный взгляд, казалась подлинной, и сразу же продавал ее одному из своих избранных клиентов-коллекционеров, веривших ему на слово.

Подобно всем арт-дилерам, он прекрасно понимал, что существует множество крупных работ, исчезнувших на долгие годы, но внезапно появившихся в поле зрения. Картины из далекого прошлого, давным-давно, иногда столетия назад спрятанные или утерянные во времена гражданских беспорядков, таких как Французская революция. Полотна, попавшие в лапы нацистов в разгар Второй мировой войны. Предметы искусства, которые никогда не были каталогизированы, хотя об их существовании ходили заманчивые слухи.

Именно по этой причине Чарли принял у себя нового визитера. Две недели назад в галерее объявился некий Жан-Клод Дюбуа, принесший прямоугольный сверток из коричневой бумаги. Портеусу не приглянулся худой нервный француз, и его совершенно не заинтересовала история о том, как тому досталась картина. По мнению Портеуса, владелец нес полную чушь о том, как прибирался на чердаке у своей покойной тети и наткнулся на раритет в сундуке. Однако Чарли весьма разволновался, вскрыв упаковку в своем офисе, расположенном в задней части первого этажа галереи. Он увидел написанный маслом холст в витиеватой раме, небольшой, десять на двенадцать дюймов. Галантная сцена на фоне весеннего пейзажа. Пара красивых молодых влюбленных в элегантных нарядах восемнадцатого века сплела объятия среди лесной идиллии: вокруг нарциссы, у них за спиной – водопад. Деревья были изображены с поразительным совершенством, и фактурными, и полупрозрачными мазками, что добавляло картине очарования. Перед Портеусом была жемчужина! Первое цветение любви. Божественное, мощное, внушающее благоговение классическое полотно.

Он изо всех сил старался сохранить невозмутимое лицо игрока в покер, расспрашивая Дюбуа о происхождении картины. Портеус знал всех уважаемых торговцев произведениями искусства в Лондоне и, конечно, по всей Европе, и этот щеголеватый человек с бегающими глазками птицы в поисках корма, подергивающимся лбом и слишком часто вспыхивающей улыбкой никогда не попадался ему на глаза.

Если эта картина не являлась чрезвычайно хорошей подделкой – а судя по кракелюру на поверхности, пятнам плесени и печати на обороте холста, повреждениям рамы и общему состоянию картины, это был подлинник, и интуиция Чарли подтверждала, что так и есть, – то перед ним была чрезвычайно важная, давно пропавшая работа одного из самых любимых им мастеров восемнадцатого века: «Весна» Жана-Оноре Фрагонара. Одна из четырех картин, посвященных временам года и считавшихся утраченными на протяжении более двухсот лет.

Специалисты сходились во мнении, что серия «Времена года» висела в каком-то французском замке и эти полотна были украдены или погибли во время Французской революции.

Чарли, как и стоявший перед ним человек, если только тот не был законченным шарлатаном, прекрасно знал: на последней крупной распродаже Фрагонара, проведенной аукционным домом «Бонхамс», портрет Франсуа-Анри, пятого герцога д'Аркура, ушел с молотка за 17 106 500 фунтов стерлингов, что стало мировым рекордом для работ этого мастера.

Портеус спокойно спросил, какая сумма интересует владельца, и получил ответ: пятьдесят тысяч фунтов.

– Почему вы принесли это мне?

Столь низкая цена убедила Чарли, что он имеет дело с глубоко нечестным человеком.

– Мне сказали, что вы ведущий эксперт по этому периоду, – проговорил Дюбуа на своем английском с сильным акцентом.

– Господин Дюбуа, почему бы вам не выставить картину на аукцион «Бонхамса», «Кристи» или, может быть, «Сотби»? – поинтересовался Чарли, пытаясь дополнительно прошупать собеседника.

Бегающий взгляд француза сказал ему все, о чем он хотел узнать:

– Я думал, что смогу продать вам эту картину быстро.

Без всяких дополнительных расчетов Портеусу было известно: реальная стоимость подлинника может составить от трех до пяти миллионов и даже больше, если правильно выбрать аукцион. А если объединить полотно с тремя остальными, чтобы составить полную серию, стоимость подскочила бы в несколько раз, достигнув астрономической суммы.

Это могло стать палочкой-выручалочкой для спасения от финансового кошмара, в котором он находился.

3. 16 октября, пятница

Француз чрезвычайно неохотно согласился оставить картину Портеусу на ночь, чтобы тот мог дополнительно осмотреть ее и свериться с «Реестром утерянных произведений».

После ухода Дюбуа галерист рассудил, что, если пропустить продажу картины через обычную систему, придется подвергнуть аудиту и самого владельца, и вряд ли француз выдержит такую проверку.

Чтобы скрыть настоящую цель своего запроса, он отправил список с фотографиями пятнадцати полотен, включая и эту картину, в «Реестр». На следующее утро он подумывал отнести ее к проверенному реставратору, не раскрывая имени художника, чтобы узнать его мнение, но передумал, зная, что тот будет задавать неудобные вопросы.

В пришедшем из «Реестра» ответе на пятнадцать запросов о Фрагонаре не упоминалось.

Наконец доводы в пользу того, что картина не была украдена и не являлась подделкой, достаточно удовлетворили Чарли Портеуса. На следующий день он заплатил Жан-Клоду Дюбуа из наличных, которые держал для таких целей в сейфе, и сохранил сделку в тайне от большинства сотрудников. Это был один из редких случаев в карьере Портеуса.

В течение прошедших с тех пор двух недель он осторожно опросил наиболее сомнительных дилеров из своего списка контактов. Никому из них не предлагали ни эту картину, ни какое-либо из трех других «Времен года» Фрагонара. Тогда Чарли сообщил этим людям, что он заинтересован в поисках владельцев остальных картин серии – «Лето», «Осень» и «Зима» – и готов обсудить сделку.

Его конфидененты не принадлежали к узкому кругу респектабельных торговцев и выручали его в тех случаях, когда он по ошибке приобретал краденую картину или подделку, от которой нужно было избавиться быстро и без лишних вопросов.

Все еще сомневаясь в законности покупки этого Фрагонара и опасаясь официально выставлять его на продажу, Портеус тайно уведомил о раритете нескольких самых богатых коллекционеров из числа своих клиентов. Они доверяли ему и вполне могли потратиться на такую ценную картину.

Среди них был Джордж Астоун, собравший одну из лучших частных коллекций французских мастеров в стране. Он немедленно связался с Портеусом, выказав большую заинтересованность.

Увы, Астоун, обаятельный, жизнерадостный человек, который жил на широкую ногу в роскошном поместье в десяти милях к северу от Брайтона, был обездвижен после инсульта. В таком состоянии затруднительно добраться до Лондона, и коллекционер предложил Портеусу привезти картину к нему домой. Да, он рассмотрел фотографии, в строжайшем секрете присланные по электронной почте, и загорелся желанием купить шедевр. Портеус согласился доставить его в поместье утром.

По чистой случайности «Весна» Вивальди из его «Времен года» зазвучала на «Радио-три» в аудиосистеме «бентли», когда Портеус свернул на свою улицу. Хорошее предзнаменование. Он улыбнулся: сегодня все шло просто отлично!

Он проехал по темной, обсаженной деревьями подъездной дороге, повернул и остановился перед коваными воротами своего дома. В кабину проникал слабый свет уличного фонаря, стоящего у противоположной обочины. Чарли с нетерпением ждал, когда раздастся безумный приветственный лай лёрчера² Пуссена, и надеялся, что пес не разбудит жену. Было 00:40 – Сюзан к этому времени уже должна была крепко спать. Он сунул руку в углубление под приборной панелью, нащупал кнопку и нажал ее.

---

² Лёрчер – гибридная порода охотничьих собак, так называемая собака браконьеров.

Ничего не произошло.

Он нажал еще раз, но ворота по-прежнему не двигались. Он нахмурился. Неужели села батарейка? Он опять нажал, и загорелся маленький красный огонек. Однако створки не открывались.

Такое случалось уже не в первый раз. Ругаясь и делая мысленную пометку позвонить утром в обслуживающую фирму, он опустил стекло и потянулся к панели на воротах, чтобы ввести код вручную. Но та была слишком далеко.

Снова выругавшись, он распахнул дверцу машины и наклонился вперед, не заметив метнувшуюся к нему из-за дерева тень. Набрал код 7979, а затем знак «плюс». Ворота начали рывками открываться, зажглись яркие сигнальные фонари.

Но в тот же миг огни вспыхнули и у него в голове, и он почувствовал удар прямо за ухом. Вслед за этим сразу же последовал сокрушительный удар железного прута. Падающие звезды. Метеориты. Происходил самый дикий фейерверк в его жизни, пока он, споткнувшись, не рухнул на землю, после чего свет для него погас навсегда.

Он уже не слышал ругательств нападавшего, который, взваливая Портеуса обратно на водительское сиденье, проклинал «тяжелого жирного ублюдка».

И не услышал, как хлопнула водительская дверца, когда кровь из проломленного затылка залила коричневый, с контрастной кремовой прострочкой, кожаный подголовник от «Конноли».

4. 21 июля 2019 года, воскресенье

Гарри Киплинг стремился, чтобы каждый клиент чувствовал себя его новым лучшим другом. Коренастый сорокапятiletний мужчина с живым взглядом, дерзкой ухмылкой и стильно взъерошенными волосами, неизменно, за исключением самых холодных зимних дней, одетый в шорты, постоянно излучал мальчишеский энтузиазм и энергию. У заказчиков создавалось впечатление, что он делает для них все от него зависящее, – и он действительно старался.

«Если Гарри звонит клиент, он примчится к нему в момент!» – так звучал его рекламный слоган. Черт возьми, если вы унаследовали фамилию, совпадающую с брендом знаменитого британского производителя тортов³, приходилось либо менять ее, либо отшучиваться.

Но не так-то просто сменить фамилию, если семейное предприятие «Гарольд Киплинг и сыновья: элитные брайтонские строители» было основано еще в 1892 году и Гарри, естественно, пользовался этим репутационным капиталом.

Кроме того, при обсуждении, скажем, пристроек к задней части дома каждый новый заказчик обязательно просил Гарри захватить с собой немного вкусных пирожных – хе-хе! – что создавало непринужденную атмосферу.

Бизнес, казалось бы, сейчас процветал, спрос на пристройки и переоборудование чердаков взлетел высоко, как никогда, оборот был приличным. Но Гарри из года в год с трудом удавалось получать хоть какую-то прибыль. Дела приносили бы большой доход, часто укоряла его жена, если бы он не так часто шел навстречу клиентам.

Фрейя была ровесницей Гарри, и он был влюблен в нее с детских лет. Бывшая староста класса, она работала заместителем директора местной школы. С длинными светлыми волосами и подтянутой фигурой, Фрейя до сих пор выглядела очень привлекательно. В отличие от мужа, она была блюстителем порядка, и в редкие свободные часы, которые у нее оставались после разбора горы школьной документации и занятий фитнесом, она помогала Гарри вести бухгалтерию его фирмы – тут он был полным профаном. И эти цифры иногда вызывали у нее беспокойство.

Ведь Гарри действительно стремился быть полезным, а кроме того, он был по-настоящему добрым человеком и потому постоянно оказывал клиентам то одну, то другую услугу без дополнительной оплаты. Конечно, подобная «благотворительность» неизменно сказывалась на марже, и без того низкой.

Также, по меткому замечанию Фрейи, было бы неплохо, если бы время от времени он занимался и собственным домом. Например, восстановил напольную плитку в туалете на нижнем этаже, которая отваливалась уже несколько месяцев, или занялся сырым пятном на потолке в комнате их четырнадцатилетнего сына Тома. Не говоря уже о неработающем настенном светильнике в гостиной. Или о дверце кухонного шкафа, у которой, сколько она себя помнила, была сломана петля. И обо всем остальном, что было не так в их небольшом, симпатичном, но утопающем в хламe угловом доме 1950-х годов на Мэки-Кресент в пригороде Брайтона Патчеме.

«Это в моем списке, дорогая, – звучал стандартный ответ Гарри. – Сделаю в выходные».

Пустые обещания! По субботам, если они с Томом не шли смотреть футбол на стадион «Амекс», чтобы поболеть за «Чаяк» – брайтонскую футбольную команду «Сигалс»⁴, или не

---

³ «Мистер Киплинг» – бренд, под которым производятся торты, пироги и прочая выпечка; известен в Англии и Ирландии с 1967 года.

⁴ Seagulls – чайки (англ.).

играли в регби или теннис – два вида спорта, которыми Том был одержим и занятия которыми родители поощряли, – Гарри обычно вкалывал у клиента, пытаясь пораньше закончить работу.

В те же воскресные дни, когда Гарри не играл в гольф, а Том спал до полудня, супруги Киплинг предавались любимому занятию – шатались по барахолкам, где распродавались вещи из багажников. А по возвращении домой, после осмотра, чистки или полировки своей добычи, Гарри брал на себя командование кухней – или барбекю в летние дни – и готовил жаркое.

У Тома был диабет первого типа. Поскольку он приставал к родителям, убеждая их, что «так будет лучше» и для планеты, и для его уровня сахара, Гарри все чаще экспериментировал с вегетарианским и веганским барбекю и, к своему удивлению, обнаружил, что им с Фрейей нравится и то и другое. Так или иначе, в семейном рационе становилось все меньше мяса – его постепенно вытесняли рыба и морепродукты.

Неизменно после обеда все благие намерения Гарри посвятить час или два работе по дому испарялись после пары больших бокалов красной рихи, их с Фрейей любимого вина. Почти весь оставшийся день и вечер они просиживали перед телевизором, а Том, если не показывали какую-нибудь спортивную игру, уходил в свою комнату и погружался в чуждый старшим мир компьютерных игр.

Одной из общих страстей Гарри и Фрейи была любовь к безделушкам, и этим воскресным утром они, как и обычно, стояли одними из первых в очереди на барахолку – она открывалась в восемь утра в Сэйерс-Коммон, деревне в пяти милях к северу от Брайтона.

Оба по собственному опыту знали: если хочешь урвать достойную вещь по хорошей цене, нужно прорваться на барахолку в первых рядах, чтобы иметь хоть какие-то шансы против профессиональных торговцев. Киплинги следовали хорошо отрепетированному и отработанному плану: они входили, сразу разбегались в стороны – Фрейя налево, а Гарри направо – и прочесывали прилавки в поисках выгодных предложений.

Фрейя собирала фигурные кувшины, заварочные чайники, статуэтки в стиле ар-деко и гравюры с Брайтоном. Гарри обожал полицейскую атрибутику, особенно значки, а также старые фотографии, викторианские акварели и с недавних пор серебряные чайные ложки.

Как обычно, перекупщики, словно вынюхивающие падаль гиены, бежали впереди, обшаривая столы и нераспакованные коробки под ними, складывая предмет за предметом в свои старые сумки. Трава под ногами была влажной, а воздух раннего утра – слегка прохладным.

Гарри был рад, что его непромокаемые рабочие ботинки, куртка и бейсболка служат хорошей защитой от сырости. В воздухе витал аппетитный запах кофе, пончиков и жарящегося бекона. Гарри с нетерпением ждал воскресного греховного удовольствия, о котором Тому не рассказывали: убедившись, что ничего не пропустили, они подходили к ларьку и завтракали сэндвичами с яичницей и беконом. Он запивал их американо, а Фрейя предпочитала латте.

Гарри прошел мимо стола на козлах, заваленного старой одеждой и мягкими игрушками. Потом миновал другой – с ужасными фарфоровыми украшениями. Тем не менее остановился, внимательно их осмотрел и заметил потускневший старый значок брайтонской полиции. Сторговался за пять фунтов против начальной цены в семь с половиной, сунул его в карман и отправился дальше. На следующем прилавке в основном были игрушки «Динки» и «Корги», иногда попадались машинки «Мэтчбокс», но ни одна не выглядела достаточно старой. Он поискал полицейскую машину, ничего похожего не увидел и зашагал дальше. Ему бросились в глаза два отвратительных игрушечных клоуна, и он вздрогнул, задаваясь вопросом, кому такое могло понадобиться, – судя по виду, эти страшили будут преследовать тебя вечно. Но рядом с ними маячило несколько фигурных кувшинов, и Гарри написал сообщение Фрейе, чтобы она была в курсе. Затем он обратил внимание на большой ящик с картинами на траве под прилавком. По другую сторону от него сидела приятная молодая пара, курившая одну сигарету на двоих; соблазнительно-сладкий дым плыл в сторону Гарри.

Он одобритительно потянул носом и воскликнул:

– Как приятно пахнет!

– Угощайтесь! – сказал молодой человек, протягивая ему открытую пачку.

– Только что бросил. Убил бы за сигарету, да только жена убьет меня, если я закурю, – усмехнулся Гарри. – Но все равно спасибо. Не возражаете, если я загляну в эту коробку?

– Пожалуйста, – кивнула женщина. – Мы только что убирались в доме моей бабушки – здесь то, что было у нее на чердаке. Некоторые рамки нормальные, ну а картины так себе.

Гарри вытащил коробку и начал рыться в ее содержимом, надеясь найти викторианскую акварель или гравюру с Брайтоном. «Хозяйка права насчет качества картин», – подумал он. Тут были полнейшие отбросы. Набитая цветами ужасная ваза в уродливой кремовой раме. Морской пейзаж – вид гавани Корнуолла с яхтами, которые, казалось, балансируют на поверхности воды. Пошлый закат над стадом каких-то животных, предположительно овец. Но вот Гарри наткнулся на богато украшенную позолоченную раму – похоже, старинную. Он поднял картину. Холст, масло, примерно десять на двенадцать дюймов. Это был малопривлекательный портрет пожилой женщины, с лицом настолько худым, что оно напоминало обтянутый кожей череп с тонкими прядями седых волос на висках и надо лбом.

«Попытка незадачливого любителя живописи нарисовать портрет своей бабушки?» – подумал он.

Но позолоченная рама была прекрасна. Настоящее качество. Он провел руками по краям, заметил кое-где повреждения. Не страшно: в соседнем городе Льюисе жил знакомый мастер по ремонту рам. Гарри перевернул картину и посмотрел на оборот. То был явно старый холст, с отметками, слишком выцветшими, чтобы их можно было разобрать.

Одна только рама, прикинул Гарри, стоит пятьдесят фунтов, если не больше, судя по ценам, которые запрашивает реставратор в Льюисе. Несколько недель назад в одну из своих воскресных вылазок Киплинг купил примерно такого же размера акварель с видом старого брайтонского цепного пирса. Она будет выглядеть потрясающе в этой раме.

Поднимаясь с картиной в руках, он спросил:

– Сколько вы хотите за нее?

– Двадцать пять фунтов, – немного помедлив, ответил молодой человек.

– За двадцать отдадите?

– По рукам.

Вытаскивая банкноту из пачки, Гарри поинтересовался:

– А мешка для нее у вас, случайно, нет?

Молодая женщина улыбнулась:

– Вообще-то, есть. У вас сегодня счастливый день! – Она опустила руку и словно из-под земли извлекла белый пластиковый пакет.

Двадцать минут спустя, поглощая сэндвичи с яичницей и беконом, супруги торжественно показывали друг другу свои трофеи.

Фрейя достала плоский чайник, расписанный цветами:

– Похоже на работу Клариссы Клифф⁵, и он мне очень нравится, – конечно, я купила его не за такие деньги, но кое-что пришлось потратить.

Гарри внимательно осмотрел чайник, любуясь им:

– Да, возможно, ты права, молодец!

– А тебе что удалось найти, дорогой?

– Полицейский значок и вот это! – Он вытащил из пакета картину.

– Боже, какой ужас! – воскликнула Фрейя. – Вообще жуть, фу!

– Забудь о картине, главное – рама! Тебе не кажется, что она прекрасна?

Фрейя неохотно кивнула:

---

⁵ Кларисса Клифф (1899–1972) – художник-керамист, дизайнер, представительница британского ар-деко.

– Да, хорошо, но картина... Она пугает меня.

– Согласен, мне тоже не нравится картина, но рама – точно выгодная покупка.

– Если только ты избавишься от этой жуткой головы, которая на меня пялится! – Она сморщилась.

– Когда вернемся, я сразу вырежу холст и сожгу.

Но, как и во многих других случаях, Гарри не выполнил обещания. Они приехали домой чуть позже одиннадцати утра. Том все еще был в своей комнате – спал, ну кто бы сомневался; наверное, опять полночи просидел перед компьютером, играя в «Фортнайт» или еще в какую-то из новейших игр, которыми он сейчас увлекался. Гарри прислонил портрет к стеклянной стене зимнего сада, пристроенного к кухне и служившего одновременно гостиной и хранилищем для покупок, плюхнулся на диван с очередной кружкой кофе и полчаса смотрел по телевизору гольф, а затем вскочил и начал готовить обед.

При этом он заметил, что их обожаемый кот Джинкс, «спасеныш» из приюта, тоже взирает на картину с подозрением.

– Вот видишь, – сказала Фрейя, заходя внутрь, – Джинксу она тоже не понравилась.

– Напоминает вам обоим вашу мать, да? – поинтересовался Гарри и увернулся, когда жена, ухмыляясь, кинула в него мандарином.

5. 16 сентября, понедельник

Рой Грейс сидел в своем тесном кабинете, развернув вращающееся кресло к окну. Отсюда были видны невзрачные бетонные здания штаб-квартиры полиции Суссекса, расположенные в этой части комплекса, а также часть лужайки и автостоянка. Небо было пасмурным, что соответствовало мрачному настроению Грейса. Прошло всего две недели со дня гибели его сына Бруно, сбитого машиной на магистрали возле школы. Теперь работа стала для детектива-суперинтенданта особенно желанной – все-таки она отвлекала его от горьких мыслей.

Как и много раз за прошедшие дни, он пытался сдержать слезы. Эту борьбу он регулярно проигрывал и сейчас сдал позиции снова. Он достал носовой платок и промокнул глаза. Черт! Почему, почему, почему?.. Еще полтора года назад он даже не подозревал о существовании Бруно. Перед тем как исчезнуть, его бывшая жена Сэнди скрывала от него, что беременна.

Впервые он узнал о Бруно благодаря телефонному звонку друга из мюнхенского Landeskriminalamt⁶, или ЛКА. Марсель Куллен сообщил ему, что женщина, находящаяся в коме после того, как ее при переходе дороги сбило такси, может быть его давно пропавшей супругой Сэнди. И это действительно была Сэнди. Она умерла, а теперь при схожих обстоятельствах погиб и их сын.

Никто не мог объяснить, почему в то роковое утро Бруно оказался на дороге всего через какой-то час после того, как Грейс отвез его в школу. Также непонятно, почему Бруно не заметил машину, ведь водитель, согласно отчету отдела по расследованию ДТП, ехал с соблюдением скоростного режима. Единственная свидетельница аварии, женщина, выгуливавшая собаку, сказала, что мальчик, похоже, был поглощен своим телефоном.

Грейса ужасно печалили предстоящие похороны. К тому же присутствие родителей Сэнди, с которыми он никогда особенно не ладил и которые в свое время подозревали его в убийстве жены, точно не сделает прощание с Бруно менее мучительным.

Он снова промокнул глаза, сделал несколько глубоких вдохов и опять сосредоточился на работе – это было практически единственное, что, наряду с поддержкой Клио, помогало ему в последние дни. В декабре они ждали второго ребенка, так что дома хватало хлопот, и это более или менее заглушало горе. А в своем отделе, к счастью, он мог сконцентрироваться на одном нераскрытом деле – оно очень интересовало его.

Раскрываемость убийств в Великобритании в среднем составляла около девяноста процентов в год – один из самых высоких показателей в мире. Однако каждое десятое убийство все равно оставалось нераскрытым, и Грейс прекрасно понимал, что в любом из этих случаев есть жертва, для которой правосудие не совершилось, и близкие, оставшиеся без ответа. Убийства попадали в заголовки сенсационных новостей, но, как говорится, сегодняшние новости завтра становятся оберткой для фиш-энд-чипс. Страна переключается на новости следующего дня, а для близких жертвы боль никогда не утихнет. И все же успешное завершение дела в виде вынесения обвинительного приговора по крайней мере позволило бы им немного успокоиться и жить дальше.

Детектив-суперинтендант отлично знал, что у большинства опытных коллег из отдела по расследованию убийств всегда было хотя бы одно нераскрытое дело, не дававшее им покоя долгие годы. «Висяки» продолжали преследовать некоторых полицейских даже после окончания карьеры. Ускользнувший преступник заставлял их вечно терзаться вопросом: «Что же я упустил, какую важную улику?» Порой детективы в отставке уходили в мир иной, так и не ответив на этот вопрос.

---

⁶ Управление уголовной полиции одной из федеральных земель в Германии (нем.).

Полицейские досье на нераскрытые убийства в Великобритании никогда не закрываются. И пока существует вероятность того, что преступник еще жив или есть члены семьи, для которых раскрытие дела было бы полезным, эти дела периодически пересматриваются.

Отношения между людьми меняются, и бывшая привязанность иногда перерождается в совсем иное чувство. Партнеры или супруги, некогда обеспечившие алиби, после разрыва отношений – особенно если те закончились плохо и были достаточно конфликтными – вполне способны обратиться в полицию. Кроме того, с развитием технологий усовершенствованные методы получения особо важных улик, таких как отпечатки пальцев и ДНК, могут отправить за решетку того, кто долгое время считал себя безнаказанным.

Каждая улика, найденная на месте преступления, тщательно маркируется и помещается в надежное хранилище. Такие улики готовы раскрыть свои секреты спустя годы, а может, и десятилетия после совершения преступления.

Будучи начальником отдела по расследованию особо тяжких преступлений в Суррее и Суссексе, Рой Грейс отвечал как за текущие расследования убийств, так и за регулярный анализ нераскрытых дел. Не так давно они устроили посиделки с недавно вышедшим на пенсию коллегой Ником Слоуном, блестящим детективом-суперинтендантом. Грейс очень уважал его и многому у него научился. За пинтой пива Слоун признался, что в своей карьере он сожалеет только об одном деле – убийстве, которое он так и не смог раскрыть. Неудача не давала забыть о себе. Он уверен, что-то было упущено, но что именно?

Богатый лондонский арт-дилер Чарли Портеус был забит до смерти в собственном «бентли» на подъезде к дому. Убийство произошло поздно вечером на улице элитного жилого района в Брайтон-энд-Хове.

Команда Слоуна установила, что у Портеуса были проблемы с денежными средствами и незадолго до убийства он хвастался картиной, которую приобрел у сомнительного продавца. Заплатил он наличными – совершенно несвойственный ему поступок, поскольку обычно он платил чеком или банковским переводом, чтобы оставить след, как это было принято у торговцев произведениями искусства на случай возврата.

Также команде Слоуна стало известно, что вечером незадолго до гибели торговец картинами ужинал со своей крестницей Кэрри Хепурт. Та работала по совместительству в галерее, их связывали хорошие отношения. При этом следствие убедилось, что отношения эти были чисто платоническими, совершенно родственными, не подразумевающими ничего непристойного. Полицейские выяснили, что жена погибшего дельца Сюзан, принадлежащая к столпам местного общества, тоже очень любила Кэрри и та неоднократно гостила у супругов дома. Они давно взяли ее под свое крыло, потому что крестница была трудным подростком и в течение нескольких лет создавала семье проблемы.

Но масштабное и продолжительное расследование, получившее название «Операция „Холст“», оказалось безрезультатным. В длинный список потенциальных подозреваемых входили сотрудники Портеуса, один из дилеров, которого они вычислили и которому погибший сообщил о картине – похоже, давно утраченной работе французского художника восемнадцатого века Фрагонара, – и богатый коллекционер из Суссекса, пожелавший увидеть эту работу.

Во время расследования Ник Слоун находился под давлением, поскольку количество убийств в Суссексе превышало обычные для графства двенадцать в год, и тогдашний нетерпеливый начальник отдела по борьбе с преступностью хотел, чтобы тот двигался дальше, потому что все направления расследования были исчерпаны. Слоун просил Грейса, когда тот в следующий раз будет анализировать нераскрытые дела в графстве, внимательно присмотреться к убийству Портеуса.

Грейс заверил его, что так и будет. Теперь все основные дела находились у него в кабинете.

На короткое время он отвлекся от работы, чтобы подумать о предстоящей свадьбе друга и коллеги Гленна Брэнсона с Шивон Шелдрейк, журналисткой из «Аргуса». Его, Грейса, пригласили быть шафером. Торжество было назначено на октябрь, но из-за гибели Бруно решили отложить свадьбу до конца года и до сих пор не определились с датой. Так что впереди было дел невпроворот.

Сейчас все, как правило, устраивают трехдневный мальчишник в какой-нибудь европейской столице или даже где-нибудь подальше, например в Лас-Вегасе, но Гленн, к облегчению Грейса, пожелал организовать «домашнее» веселье без лишнего шума. Тем не менее Гленн был популярным человеком как в полицейских кругах, так и за их пределами, так что вопрос заключался скорее в том, кого не приглашать. Во всяком случае, это проблема из разряда приоритетных, подумал Грейс, а ведь на нем лежала ответственность и за репутацию мероприятия. С одной стороны, шатающаяся по Брайтон-энд-Хову пьяная мужская компания – в том числе несколько детективов – выглядела бы не слишком привлекательно. С другой – он торжественно пообещал Гленну, что «погребение» где-нибудь в глухом лесу, как в каком-то давнем деле⁷, тоже не рассматривается среди доступных вариантов.

К счастью, после успешного завершения последнего дела о пропавшей жене⁸ последние недели на работе были на редкость спокойными. И он был благодарен за это затишье после смерти Бруно. Предыдущее дело его команды, в котором ему отводилась относительно небольшая роль, касалось продажного адвоката, управлявшего сетью наркоторговцев с вовлечением представителей уязвимых социальных групп⁹. Закончилось оно вроде бы результативно, однако дало старт крупному внутреннему расследованию с подключением Независимой службы по расследованию действий полиции. Канитель тянулась до сих пор. Но Грейс и его команда сделали все по правилам, и конечный результат разборок его уже не волновал.

Сейчас, в этот период простоя, он в первую очередь занимался нераскрытыми, «холодными» делами, чтобы иметь возможность параллельно размышлять о других вещах. Просматривая список из примерно тридцати нераскрытых убийств, совершенных в графствах Суррей и Суссекс и заслуживающих оценки для возможного пересмотра, он заинтересовался делом, о котором его старый друг и наставник Ник Слоун рассказывал пару месяцев назад.

Основное досье – толстая папка под названием «Операция „Холст“» – лежало на письменном столе прямо перед ним, а четырнадцать коробок с уликами, включая показания свидетелей, фотографии с места преступления, отчеты криминалистов, данные с видеокamer и системы АРНЗ (автоматического распознавания номерных знаков), записи телефонных разговоров и ассоциативные карты, были сложены на полу вокруг стола. В запечатом хранилище для улик своего часа ожидали еще двенадцать коробок. Дополнительно Грейс попросил команду, работающую с системой ХОЛМС¹⁰, загрузить все материалы дела на его компьютер.

Цель оценки заключалась в следующем: выяснить, не было ли что-то упущено, как подозревал Ник Слоун. Стоит ли продолжать вкладывать в расследование деньги и другие ресурсы?

Грейс внимательно вчитывался в отчет Слоуна об операции «Холст», оказавшейся неуспешной. Бывший детектив-суперинтендант старательно описал все решения, принятые им в ходе расследования, и обосновал каждое, а затем сделал выводы по этому делу, позже получившему статус «глухаря».

---

⁷ Отсылка к роману «Просто умереть».

⁸ Отсылка к роману «Разрешаю умереть».

⁹ Отсылка к роману «Им придется умереть».

¹⁰ ХОЛМС (англ. HOLMES, Home Office Large Major Enquiry System) – электронная справочная база данных МВД Великобритании. Содержит подробную информацию о расследованиях убийств, совершенных на территории страны; позволяет анализировать все имеющиеся сведения, устанавливать и отслеживать связи между отдельными преступлениями, расследованием которых занимаются различные территориальные полицейские управления, а также обеспечивать обмен информацией между ними.

В этом подробном отчете содержалось краткое описание убийства Чарли Портеуса, а также направления расследования, стратегии и результаты судебно-медицинской экспертизы. Слоун, как и положено старшему следователю, составил этот документ, для того чтобы новый руководитель следственной группы, который займется повторным расследованием этого дела, мог получить представление о происшедшем.

Посвятив три дня чтению документов и отчета из ХОЛМСа на экране компьютера, Рой Грейс пришел к выводу, что догадка Ника Слоуна была верной. Дело определенно заслуживало пересмотра, и надо было решить, достаточно ли оснований для того, чтобы потратить время и ресурсы на его повторное рассмотрение. Для этого требовалось доказать, что шансы на арест и осуждение виновных более чем реальны. И чем дольше Грейс читал, тем больше убеждался, что так оно и есть.

6. 19 сентября, четверг

На все совещания и летучки Норман Поттинг неизменно являлся последним. Сегодняшнее утро не стало исключением. Он вломился в дверь и захлопнул ее за собой с таким грохотом, что казалось, будто сейф с большой высоты рухнул на бетон. Бормоча извинения за опоздание – хотя на сей раз он вовсе не опоздал, а успел вовремя, – детектив-сержант схватил стул и устроился рядом с коллегами в дальнем конце овального стола. Брифинг, как всегда, проходил в конференц-зале отдела по расследованию особо тяжких преступлений.

– Сегодня узнал кое-что интересное, – объявил Поттинг, и его грубый голос прозвучал более хрипло, чем обычно. – Селедки могут общаться с помощью пуканья.

– Полезная информация, – сухо прокомментировал Грейс.

– Ты определенно читаешь очень классную газету, Норман, – ехидно заметила Велвит Уайльд.

Не так давно Норман стал выглядеть круто, избавился от лишнего веса и зачесанной на лысину пряди и в современном стиле побрился наголо – но, похоже, этот период закончился. В последнее время Рой Грейс стал замечать, что детектив-сержант опять сдал. Он приходил на службу в поношенных рубашках – на сегодняшней, в фиолетовую полоску, воротничок совсем вытерся. Грейс с грустью подумал, что таков и Норман, человек, потрепанный жизнью и не раз бывавший в передрыгах, хотя порой, конечно, он сам лез на рожон. С другой стороны, многим испытаниям он подвергался совершенно незаслуженно, и от него это никак не зависело. Грейс чувствовал глубокое почтение к этому старому боевому коню и его способностям детектива, которые многие в полиции недооценивали.

Грейс взглянул на часы и осмотрел свою небольшую, лично им подобранную следственную группу.

– Сегодня четверг, девятнадцатое сентября, четыре часа дня, – объявил он. – Это первое совещание, посвященное возобновлению операции «Холст», то есть расследованию нераскрытого убийства арт-дилера Чарльза Стюарта Портеуса в ночь на шестнадцатое октября две тысячи пятнадцатого года.

Перед ним лежал свежий, незаполненный следовательский блокнот и программный документ по делу, оба озаглавленные «Операция „Холст“ – анализ», а также распечатанные заметки. Он оглядел следственную группу. Детектив-инспектор Гленн Брэнсон, заместитель старшего следователя, явился на собрание в необыкновенно официальном галстуке и с необыкновенно мрачным лицом. Он отвечал за сбор данных. Рядом с Гленном сидел тридцатичетырехлетний аналитик Люк Стэнстед. Дальше – Поттинг и детектив-констебль Велвит Уайльд, которые вместе отвечали за разбор показаний свидетелей и действий бывшей следственной группы детектива-суперинтенданта Ника Слоуна и выработку соответствующих рекомендаций. За Норманом и Велвит – двадцатисемилетний детектив-сержант Джек Александер, высокий, с прямой осанкой, в нарядном костюме и начищенных до блеска черных туфлях, отвечавший за повторный анализ криминалистических данных при содействии криминалиста Криса Джи.

Наконец, еще одним членом группы была Полин Суини – все звали ее просто Полли. Эта энергичная девушка, недавно присоединившаяся к команде, вышла в отставку как детектив-констебль, а затем вернулась на работу в качестве гражданского следователя. С уложенными в пучок светлыми волосами, одетая в черный топ и облегающие клетчатые брюки, в босоножках со шнуровкой и на высоком каблуке, Полли привносила в коллектив нотку гламура. Грейс знал ее много лет и любил не только за веселый нрав, но и за блестящее мастерство в работе. К тому же она была стойким бойцом: в разгар карьеры ей пришлось взять тайм-аут на два года, чтобы побороть болезнь. И Полли победила.

– Итак, мы продолжаем расследование под названием «Операция „Холст“», – повторил Грейс.

– И кто говорит, что у компьютеров нет чувства юмора, а, шеф? – подхватил Поттинг.

Грейс улыбнулся: Норман был прав. Названия для каждого расследования компьютер выбирал наугад, но часто они были удивительно близки к теме, как и в данном случае.

– Скоро мы, детективы, вообще не будем нужны, правда, Норман?

Поттинг хмыкнул:

– Надеюсь, до этого дня я уже давно буду на пенсии, шеф.

Грейс втайне надеялся, что коллега повременит с выходом на пенсию. Обратившись к своим заметкам, он объявил:

– Итак, я хотел бы подчеркнуть, что это лишь первоначальная оценка, цель которой – решить, следует ли возобновить рассмотрение дела. И оно не должно мешать любым новым и текущим расследованиям крупных преступлений. Это ясно?

Все, кроме уткнувшегося в телефон Брэнсона, кивнули. Грейс бросил взгляд на друга, недоумевая, что случилось. Гленн выглядел странно – обычно он излучал уверенность, но сегодня был явно подавлен.

Позади Грейса стояли три доски на подставках. На одной висела тщательно подобранная серия фотографий с места преступления, снятых крупным планом и на широкоугольную камеру, – безжизненное тело Чарли Портеуса на водительском сиденье «бентли». Другую доску заполняли фото, сделанные при вскрытии, – на них крупным планом был запечатлен разможенный череп. К третьей была приколоты схема семейных и других связей Портеуса.

– Из отчета Ника Слоуна я сделал вывод, что в момент смерти у Портеуса могла быть на руках ценная картина. Возможно, он привез ее с собой в Брайтон из своей лондонской галереи, чтобы показать потенциально заинтересованному коллекционеру в Суссексе. Этот человек был идентифицирован как Джордж Астоун, однако впоследствии Слоун исключил его из списка подозреваемых. Но на данный момент то, что картина была у Портеуса в машине, – лишь предположение, и у нас нет полной информации о ее происхождении. – Грейс перевел взгляд на свои бумаги. – Словом, в своем блокноте Ник Слоун констатирует, что был дежурным старшим следователем в ночь убийства. Он записал, что в восемь часов десять минут утра в пятницу, шестнадцатого октября, его вызвал дежурный инспектор полицейского участка Брайтона. Ранее тем утром в полицию позвонила разносчица газет, сообщившая, что видела предположительно мертвого человека на водительском сиденье «бентли» у парадных ворот Тонгдин-хауса, на Тонгдин-авеню, сто семьдесят три, в Хове. Впоследствии погибший был опознан как Чарли Портеус. – Грейс сделал глоток чая из кружки. – Около трех часов ночи жена Портеуса Сюзан, которая весь день не выходила из дому, сообщила в полицию, что ее муж не вернулся домой из Лондона и не отвечает на звонки. Этот звонок был зарегистрирован, но никаких мер на тот момент принято не было. Дежурный инспектор в Брайтоне по понятным причинам счел, что привлекать полицию еще рано.

Вся команда согласно кивнула, устремив взгляды на доску с жуткими фотографиями мертвеца. И только Гленн Брэнсон продолжал сосредоточенно переписываться с кем-то по телефону.

Грейс подумал, что подавляющее число убийств, совершавшихся из года в год в графствах Суссекс и Суррей, связано, как это ни печально, с семейными конфликтами. В основном законопослушные жители благополучных, так называемых домашних графств¹¹ по ночам могли спокойно спать в постели. Насилие по большей части творилось в менее привилегированных слоях общества и менее благополучных регионах страны.

---

¹¹ Имеются в виду шесть графств, окружающих Лондон.

Именно поэтому вид грузного лысеющего мужчины с проломленным затылком и глубокой раной за ухом, замершего на сиденье серебристого «бентли-флаинг-спера» с измазанным кровью и мозгами кожаным подголовником, привлек всеобщее внимание. Эта картина заметно выделялась среди множества сцен убийства, с которыми Грейсу приходилось сталкиваться за свою карьеру. Как, наверное, и его команде.

Детектив-суперинтендант прекрасно понимал, что в его обязанности не входит определять и решать, какие жертвы убийства важнее. Жизнь богатого человека имела не большую и не меньшую ценность, чем жизнь человека с улицы. Приезжая на место преступления и глядя на жертву, Рой Грейс всегда испытывал глубокую печаль. Ведь перед ним был чей-то сын или дочь, чья-то жена или муж, брат или сестра... В расследовании убийств не существовало негласной иерархии. Будь то столп общества или отъявленный мерзавец, делалось все возможное, чтобы выяснить, кто совершил преступление, арестовать его и предать суду.

Несмотря на это, Грейс сообщил команде, что, по его мнению, данное конкретное нераскрытое убийство заслуживает пересмотра. Далее он изложил свои соображения, почерпнутые из подробнейших записей Слоуна, объяснив, что Чарли Портеус, по общему мнению, был достойным человеком, хорошим семьянином, а также щедрым филантропом и весьма уважаемым арт-дилером, не имевшим врагов. После выхода на пенсию его жена начала работать волонтером в городском хосписе «Мартлетс», и в течение многих лет супруги оказывали значительную помощь многим местным благотворительным организациям.

Портеуса не менее трех раз ударили по затылку так и не установленным тяжелым тупым предметом, а за ухом у него была глубокая рваная рана. Машина стояла у ворот дома, при осмотре явного вмешательства в работу механизма ворот не обнаружили, хотя вдова упоминала о проблемах с их функционированием. Команда Ника Слоуна так и не смогла выявить четкий мотив убийства.

С запястья Чарли Портеуса пропали редкие винтажные часы «Ролекс», застрахованные на сорок пять тысяч фунтов стерлингов; также исчезли бумажник, в котором, по словам жены, он хранил обычно около пятидесяти фунтов наличными, золотое обручальное кольцо и мобильный телефон. В качестве одной из версий рассматривалось случайное уличное ограбление, и это предположение стало набирать очки, когда бумажник жертвы, без наличных и кредитных карт, но с водительскими правами внутри, был найден в мусорном баке недалеко от брайтонского вокзала.

Группа Слоуна проверила все известные кредитные и дебетовые карты жертвы и убедилась, что никто не пытался использовать их. Имея репутацию человека дотошного, Слоун заставил оперативников прошерстить магазины подержанных ювелирных изделий в городе и на обширной территории за его пределами, а также «Ибэй» и другие сайты, но ни часы, ни обручальное кольцо не были выставлены на продажу.

Еще одно важное направление расследования, пояснил Грейс, касалось самого производства. В «бентли» картины не нашли, тем не менее многие обстоятельства указывали на то, что в роковую ночь она могла находиться у Портеуса.

Ранее тем вечером жертва ужинала со своей крестницей Кэрри Хепуорт в столичном ресторане. При этом отсутствовали какие-либо доказательства ее причастности к убийству, по крайней мере на тот момент. Судя по информации, предоставленной Хепуорт на нескольких допросах, Портеус, чрезвычайно взволнованный выгодной покупкой, показал ей картину за ужином, признавшись, что нарушил свое правило не платить наличными. Из ресторана он вынес картину под плащом, наброшенным на руку.

Грейс сообщил своей команде, что система видеонаблюдения на брайтонском вокзале зафиксировала Чарли Портеуса выходящим из поезда, который прибыл с лондонского вокзала Виктория в 00:17. В последний раз камеры засекли его, когда две минуты спустя он вошел на парковку, снова с перекинутым через руку плащом.

Связавшись с отделом искусств и антиквариата лондонской полиции, чтобы проверить эту историю, команда Слоуна выяснила, что перед смертью Чарли Портеус сделал изумительное приобретение. Ему было отчего переволноваться. Он купил у неизвестного француза за пятьдесят тысяч фунтов стерлингов картину. Портеус полагал – и это подтверждалось мнением эксперта, которому он, по-видимому, рассказал о ней или даже показал ее и который впоследствии был также найден и опрошен, – что теперь в его коллекции находится работа французского мастера восемнадцатого века Жана-Оноре Фрагонара.

Уплаченная Портеусом сумма составляла лишь малую толику истинной стоимости картины, если, конечно, речь шла о подлиннике, и в первоначальном расследовании являлась главным фактором, вызвавшим множество вопросов. Почему уважаемый дилер, наверняка знавший о ценности холста, купил его у неизвестного в мире искусства человека за такие небольшие деньги? И без чека или каких-либо финансовых отчетов? Ни французская полиция, ни Интерпол так и не вышли на след продавца, и команда Слоуна сделала вывод, что, кем бы ни был этот человек, он назвался вымышленным именем. Им сообщили, что, возможно, картина была украдена по заказу коллекционера из страны, находящейся за пределами досягаемости Интерпола, но никаких сообщений о таких кражах не поступало. Кроме того, в беседах оперативников с дилерами из мира искусства, при поддержке детективов из столичной полиции, упоминалось о богатых людях, которым доставляет удовольствие иметь частную галерею исключительно для личного обозрения. В эти сокровищницы посторонние не допускаются. Так что на сегодняшний день происхождение картины остается неизвестным. Камеры автоматического считывания номеров в Брайтоне и его окрестностях не дали никаких зацепок, как и камеры видеонаблюдения в районе, где жил Портеус.

Грейс перевел дыхание и продолжил:

– Злоумышленник – один или несколько – не оставил никаких улик на месте преступления. Однако частичный отпечаток пальца был снят с ресторанный счета из бумажника жертвы, обнаруженного в мусорном баке. Отпечатки пальцев были собраны и у всех сотрудников лондонского ресторана, выдавшего чек, но совпадений не было обнаружено. Поэтому, возможно, отпечаток принадлежит преступнику, который рылся в бумажнике в поисках наличных.

Норман Поттинг поднял руку:

– А как же снятие следов пленкой, шеф?

– Я как раз собирался сказать об этом, Норман. Идея действительно неплохая. Криминалисты сняли липкой пленкой следы с верхней одежды Портеуса, и, учитывая прогресс в криминалистике, происшедший за последние четыре года, эти следы следует отправить на анализ – может, удастся обнаружить волокна с одежды нападавшего. Мы также должны проверить, не найдется ли чего-нибудь новенького, например следов крови нападавшего, из которых мы могли бы получить ДНК. – Он повернулся к Александру. – Джек, поручаю тебе эти действия как часть криминалистического анализа. – Затем он обвел взглядом своих сотрудников. – У кого-нибудь есть комментарии на данном этапе?

Александр поднял руку:

– Сэр, меня озадачивает, почему Портеуса убили чем-то похожим на дубину. Если бы это было обычное уличное ограбление, преступник наверняка пригрозил бы ему ножом или, возможно, пистолетом, и Портеус сам отдал бы свои ценности. По-моему, это указывает на что-то другое.

– Например, Джек? – спросил Грейс.

– Если это было целенаправленное ограбление и преступники в первую очередь хотели заполучить картину, возможно, им не хотелось, чтобы Портеус сообщил о ее краже. Я читал, что знаменитые картины трудно продать в некоторых юрисдикциях, потому что они мгновенно узнаваемы. Возможно, преступник, кем бы он ни был, знал об этом и решил, что картину будет легче сбыть с рук, если о краже не сообщат.

Грейс на мгновение задумался.

– Хорошая идея, Джек. – Он сделал пометку и посмотрел на Брэнсона. – Есть какие-нибудь соображения, Гленн? – попытался он привлечь его внимание.

Детектив-инспектор поднял голову с недоуменным выражением лица:

– Извините, босс, был не с вами. Какие соображения, шеф?

Не желая проявлять неуважение к заместителю, Грейс предложил:

– Давайте сделаем пятиминутный перерыв. – Затем, кивнув Брэнсону, сказал: – Поговорим наедине, мне нужно кое о чем тебя спросить.

– Конечно, шеф, – ответил тот.

7. 19 сентября, четверг

Уже в коридоре, закрыв за собой дверь, Грейс тихо произнес:

– В чем проблема, напарник? С тобой ведь что-то не так? Что случилось?

Высокий, крепко сложенный детектив-инспектор выглядел так, будто вот-вот разрыдается. Последний раз Грейс видел его таким три года назад, когда тот переживал тяжелый разрыв с женой Ари.

– Не хочу впутывать тебя в это дерьмо прямо сейчас. – Брэнсон вздохнул и удрученно покачал головой. – Мы с Шивон здорово поругались вчера вечером... Не знаю... У меня такое чувство, что мы можем расстаться. Она считает, что мы должны отложить свадьбу до...

– До чего?

Гленн неопределенно пожал плечами.

– Что? Рассказывай! Что случилось? Мне кажется, вы были просто идеальной парой.

Брэнсон пару секунд помолчал.

– Ну ты знаешь, когда мы только начали встречаться, я говорил тебе, что она хочет детей, так?

Грейс кивнул, смутно припоминая этот разговор.

– И вдруг она заявляет, что не собирается заводить детей в ближайшие годы, потому что слишком поглощена карьерой. Я как выжатая губка, приятель, и это началось как раз вчера.

– Ты так торопишься? У тебя уже двое прекрасных детей.

– Да, и я не хочу, чтобы между Сэмом и Реми и детьми от Шивон была огромная разница в возрасте.

– Дети – это еще не все, приятель. Я думаю, она отличный человек.

– Для журналиста? – Выражение лица Брэнсона на мгновение смягчилось.

Грейс улыбнулся:

– Прекрасный человек. И точка.

Брэнсон оживленно закивал:

– Я тоже так думаю, но я увидел и другую ее сторону – она целеустремленная, амбициозная и вряд ли изменит свое решение. А я бы хотел еще детей, пока мои еще малыши. Она так славно возится с ними обоими, и я думал, что мы на одной волне и у нас сразу же будут свои дети. Ты же знаешь, я люблю этот фильм – «Брайтонский леденец», да? Оригинал с Дики Аттенборо, а не ремейк.

Грейс снова кивнул.

– Я не знал, что на самом деле сначала была книга, – сказал Брэнсон.

– Удивил! Многие хорошие фильмы – это экранизации хороших книг.

– Ну да, я смотрел его снова на днях – своего рода расширенную версию, где потом рассказывали об авторе.

– О Грэме Грине, – вставил Грейс.

– Да, там говорили о творчестве Грина и цитировали его – он сказал, что у каждого писателя должен быть осколок льда в сердце.

Грейс взглянул на часы, не понимая, куда он клонит, и подумывая вернуться к брифингу. Через час предстояло другое совещание – по вопросам культурного разнообразия в полиции.

– Хорошо, – произнес он, – так ты хочешь сказать, что у Шивон есть осколок льда в сердце?

– Да, именно! Так вот, ей заказали большую статью для «Аргуса» обо всех офицерах, которых в последние годы уволили по причине злоупотреблений. Она поинтересовалась, какие имена я могу вспомнить, – и я, после того как она огорошила меня этой новостью о детях, просто взорвался. Спросил ее, какого черта она не может написать статью обо всем хорошем,

что делают полицейские, об опасностях, с которыми они сталкиваются, о службе обществу, вместо того чтобы поливать полицию грязью и превращать «Аргус» в какую-то скандальную газетенку, наподобие старых добрых «Ньюс оф зе уорлд».

– Согласен!

Брэнсон с тоской посмотрел на него:

– Да, спасибо. Но это не сработало. Она сказала, что не собирается ставить под угрозу свою журналистскую честность только потому, что помолвлена с копом. И если это станет проблемой для будущего, как и то, что у нас пока нет детей, то, возможно, у нас нет и самого будущего. – Инспектор прислонился к стене, на его глаза навернулись слезы. – Черт возьми, дружище, я люблю эту женщину! В ней мое будущее. Я... я просто... знаешь, с тех пор как расстался с Ари... я боролся.

– Гленн, это не тот вопрос, который решается за пару минут. Может, посидим и выпьем потом, после работы? – предложил Грейс.

– Да, я был бы очень рад.

– Посмотри на все это с точки зрения Шивон. Она амбициозна, и понятно, что ей пока не хочется иметь детей, а хочется писать истории, которые попадут в заголовки, и тебе нужно смириться с тем, что чаще всего производят сенсацию негативные новости. Много ли радостных новостей ты читаешь в газетах? Мы с тобой оба ненавидим коррумпированных копов и всех, кто позорит полицию.

– Наверное, ты прав. Конечно прав. Но я искренне переживаю за своих, Рой. Не могу спокойно смотреть, как на нас нападают в прессе и прочих СМИ.

– Ну так и попробуй использовать свое влияние на чрезвычайно влиятельного журналиста, чтобы все это изменить!

Гленн Брэнсон кивнул, не будучи до конца убежденным.

8. 19 сентября, четверг

Когда Грейс и Брэнсон вернулись в зал совещаний, Джек Александер снова поднял руку:
– Мне кажется, сэр, что ключ – картина. Если бы мы могли установить, что Портеус в ночь убийства вез ее домой и она была похищена, это, возможно, исключило бы уличное ограбление, так?

– Возможно, но не обязательно, Джек, – ответил Грейс. – Эти люди хватают все, что, по их мнению, можно продать, – часто это наркоманы, отчаянно стремящиеся заработать денег на очередную дозу. Но я согласен: если бы мы могли окончательно установить, что картина была в машине у Портеуса, это дало бы нам еще одну важную линию расследования. Ник Слоун действительно поручил своей команде связаться со всеми художественными галереями и аукционными домами в Суссексе и граничащих с ним графствах, а также за его пределами и в Интернете, чтобы узнать, предлагали ли кому-нибудь картину этого художника, – но ничего не обнаружил. Тем не менее, как ты справедливо предполагаешь, это оставалось основным направлением расследования, до тех пор пока не пришлось свернуть операцию «Холст». – Грейс опять заглянул в свои заметки. – В список оставшихся значимых свидетелей входят крестница Портеуса Кэрри Хепуорт, а также другие сотрудники его галереи – всех их нужно допросить снова. Как и его лондонского водителя Михата эль-Хадида. Но мы должны иметь в виду, что финансовый следователь Джон Кэмпинг в то время не смог предоставить доказательства того, что кто-либо из них получил выгоду от убийства Портеуса. Команда также исключила коллекционера Джорджа Астоуна – Чарли Портеус предположительно привез картину в Суссекс, чтобы тот мог ее осмотреть, – но его тоже нужно допросить снова.

Тут Стэнстед, сидевший рядом с Поттингом, поднял руку.

– Да, Люк? – сказал Грейс.

– Сэр, в течение последних нескольких дней по вашей просьбе я просматривал список соседей Чарли Портеуса, опрошенных оперативниками из группы Ника Слоуна. Один отсутствует.

Грейс нахмурился:

– Кого-то пропустили?

– Я просмотрел на «Гугл-Земля» все дома, жители которых были опрошены. Один оказался пропущен – дом под названием Тонгдин-Ридж, расположенный немного выше по дороге, всего в нескольких сотнях ярдов, на противоположной стороне от дома Портеуса. В отчете говорится, что владельцы в то время находились за границей, – у них есть второй дом в Марбелье.

– Ну, тогда это понятно, – проговорил Грейс.

Стэнстед покачал головой:

– Да, но они держат двух собак – родезийских риджбеков, а также кошку и семь кур. Я связался с владельцами, мистером и миссис Молби. Они сказали, что во время их отъезда за домом следили другие люди – Джо и Лиз Ли. Эта пара была там, когда убили Портеуса. Мне уже удалось побеседовать с мистером Ли. По его словам, полиция с ним не общалась, вероятно, потому, что они с женой на шесть месяцев уезжали из страны – следить за чьим-то домом за границей.

Грейс нахмурился:

– Он видел что-нибудь примечательное, что могло бы пригодиться в расследовании?

– На самом деле, да, видел. Мистер Ли – бывший армейский офицер. Он сказал мне, что страдает бессонницей и часто выходит на прогулки затемно. Ему запомнилось, как в ту ночь на пятницу он увидел машину, промчавшуюся по Тонгдин-авеню. Мистер Ли подумал, что это странно, ведь обычно там тихо, – как вы знаете, улица застроена элитными домами.

Хотя он добавил, что в последнее время все больше водителей используют этот путь, чтобы срезать расстояние.

– Он мог бы описать машину?

Стэнстед улыбнулся:

– Еще лучше, босс. Он умудрился записать часть ее номера – он часто записывал номера машин, превышавших допустимую в этом районе скорость, и сообщал о них.

– Хорошая работа, Люк, – похвалил его Грейс. – Владельца нашли?

– Пока нет, но мы сужаем круг подходящих автомобилей.

Грейс некоторое время сидел в раздумье.

– Ищите – и еще раз допросите этого мистера Ли в приоритетном порядке. Нам нужно снова проверить по базе данных частичный отпечаток пальца, найденный на счете в бумажнике Портеуса, чтобы посмотреть, не всплывет ли что-нибудь новое. Не забудем и об анализе следов на его одежде. Как я уже сказал, нам нужно повторно допросить коллекционера из Суссекса, того самого, кому Портеус собирался показать картину. Также мы хотим найти и проверить всех дилеров, которым он мог послать ее фото незадолго до убийства.

Он снова помолчал, делая заметки, чтобы составить конкретный список действий для каждого сотрудника группы. Закончив, он поднял глаза:

– Я предлагаю опять встретиться здесь, в девять утра в среду, двадцать пятого сентября, и обсудить выводы. Вопросы есть?

Вопросов не было.

9. 19 сентября, четверг

Рой Грейс вернулся домой вскоре после десяти вечера и сразу почувствовал слабый запах чего-то аппетитного и одновременно подгоревшего. Он вошел в дом, и к нему тотчас кинулся их пес Хамфри. Клио тихо поприветствовала мужа, не поднимая глаз. Она сидела на диване в гостиной, вокруг лежали ее работы из Открытого университета, с которыми играл, царапая когтями бумагу, недавно взятый на передержку кот Реджи. Хозяин Реджи был в тюрьме, и, к сожалению, кот не мог оставаться с ними надолго, однако пока они наслаждались его проделками. Клио сдавала диссертацию в следующем месяце – как они надеялись, задолго до рождения ребенка. Если все пройдет хорошо, она получит степень магистра философии, ради которой так усердно трудилась, а летом ей вручат диплом.

– Прости, дорогая, – сказал Грейс, поднимая руки, потом подошел, наклонился и поцеловал ее в лоб.

– Ты же сказал, что будешь дома в семь.

Он грустно кивнул, ослабляя галстук и снимая пиджак:

– Сожалею. Гленн в ужасном состоянии, я должен был попытаться ему помочь.

– Но у тебя ведь, наверное, есть телефон, Рой? Мог бы позвонить, написать, отправить сообщение. Сегодня была моя очередь готовить ужин, я спрашивала, что ты хочешь, ты сказал – рыбу. Я купила на рынке прекрасный кусок палтуса – теперь он пережарен, как и овощи. Я поела больше часа назад. Твою порцию я оставила в духовке «Ага».

– Спасибо. – Он присел на подлокотник дивана. – Seriously, извини, но он очень обеспокоен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.